Цена номера 10 коп.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

МОЛОТ

литературно-художественный журнал ТУЛ. А.П.П.

АЗЕРБАЙДЖ. ЦЕНТР. ГОСУД. БИБЛИОТЕКА

СОДЕРЖАНИЕ

РАССКАЗЫ:

ПРЕСТУПЛЕНИЕ—Ф. Кузнецов.
ПРОПОВЕДНИК—В. Вешняк.

СТИХИ:

СТРОЙКА—С. Володин.
ТЕРРОР—А. Ватажин.
ВОССТАНИЕ—перевод с немецкого. Б. Сенопальников.
ПОЛЯ СОВЕТСКИЕ—А. Егонина.
ПИСЬМО О ТРАКТОРЕ—И. Васильченков.

ОЧЕРКИ:

КОММУНЫ ПРОИЗВОДСТВА—Н. Стрекопытов.
НОВЬ—В. Безымянного.
СМЕРТЬ КОЛХОЗНИКА МИШКИ—Я. Лукьяненко.

СТАТЬИ:

СОВРЕМЕННЫЕ ЗАДАЧИ ПРОЛЕТАРСКОГО ПИСАТЕЛЯ—В. Старцев.
ВОСПИТЫВАЮТ ЛИ КЛУБЫ НОВОГО ЧЕЛОВЕКА—К. Шапошников.

БИБЛИОГРАФИЯ.
ХРОНИКА.

ОЛ М729

Март 1930 года. № 3 (40)

СОВРЕМЕННЫЕ ЗАДАЧИ ПРОЛЕТАРСКОГО ПИСАТЕЛЯ.

Вас. Старцев.

Мы знаем, что история есть борьба классов. Класс сменяет класс, создает свою идеологию; культуру подчиняет себе на служение.

Класс буржуазии основан на собственности, на господстве человека над человеком, класса над классом. Буржуазная, собственническая идеология создавала психику человека-собственника, индивидуалиста. Культурные силы, росшие из буржуазии, строили буржуазную культуру, литературу, направлявшие сознание человека в сторону эксплоататорско-собственнических целей буржуазии.

Класс пролетариата, как не имеющий собственности, основан на коллективной борьбе за свое существование и право. Ненависть к буржуазной собственности, связанной с идеей эксплоатации, породила в пролетариате идею борьбы за уничтожение классов.

Эту задачу—создание внеклассового общества—взял на себя рабочий класс у нас, став у власти. Естественно, перед классом-гегемоном встала задача идейной гегемонии в культуре, в литературе.

Революция открыла самые смелые пути перед пролетариатом—построить социализм. Началась новая эпоха, положена грань между старым и новым миром. Всколыхнулся человеческий материал. Наступили периоды бурного роста человека, сбрасывающего с себя ветхие одежды старой идеологии. Вместе с переделкой общественных и экономических форм жизни, переделывались и люди.

Это потребовало от писателя новых литературных форм, новых методов.

Вместе с своим классом рос и пролетарский писатель.

Народническую литературу о бессилии и угнетении сменили песни бодрости и борьбы, выросшие после Октября в поэзию индустриального космизма. Тогда повернулся «лицом к революции» и целый ряд писателей, выходцев из буржуазной интеллигенции. Наслоения буржуазной идеологии—индивидуализм, романтика, символизм и прочие измы—тяготели над их произведениями. Новые общественные условия перестраивали не только пролетарскую литературу по пути реалистического показа, освобождая ее от инородных влияний, но и литературу революционных, близких пролетариату, попутчиков, органически переделывая их мироощущение.

Литература периода гражданской войны и нэпа, периода идеологической ломки, носила характер отклонений от главной задачи реалистического показа борьбы пролетариата за социализм. Она или показывала лишних людей, выпячивала половую проблему, или самую действительность пролетариата отображала созерцательски, поверхностно, без связи с практикой класса и без исторических перспектив. Дело рабочего класса отображалось без показа самого процесса этого дела, процесса развития пролетарского общества. В литературе, отображающей настоящее, не было видно будущего. Пролетарский писатель должен органически связать свое творчество со стратегией своего класса, найти новые художественные пути, стиль, жанр, созвучные нашей эпохе. Поэтому пролетарским писателем может стать только материалист диалектик, писатель-марксист,—писатель, в котором, по выражению т. Луначарского, «бьется честное коммунистическое сердце».

Романтика, выдумывание героической личности, должна отойти в область предания. Художник должен вскрывать действительность, ее об'ективную диалектику, очищая картины действительности от «поверхностнейшей внешней видимости вещей», как говорил К. Маркс.

Пролетарский писатель еще далеко не овладел диалектическим материализмом, как творческим методом. Эта «поверхностнейшая внешняя видимость вещей», наивное отображательство действительности характеризуют творчество многих пролетарских писателей.

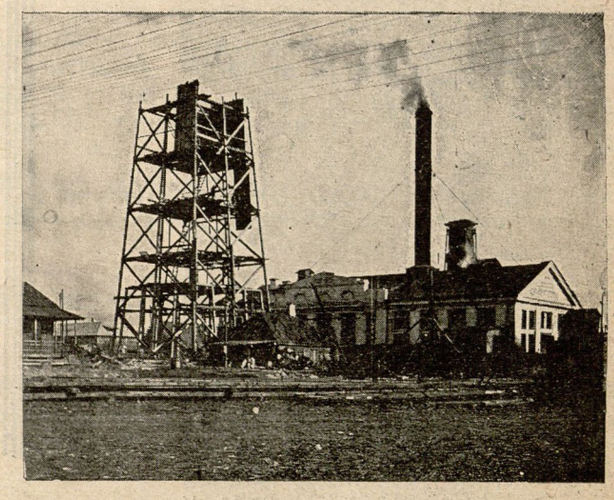
Нового осознания действительности требует сейчас реконструктивный период нашей революции и связанные с этим общественные сдвиги.

Пролетариат в союзе с бедняцко-середняцкой частью деревни, с героическим энтузиазмом выполняет пятилетний план великих работ; ни с чем несравнимая еще в мире по темпам стройка покрывает наш Союз растут новые гиганты фабрик, заводов, гидроэлектростанций и совхозов; воздвигаются социалистические города, сооружаются новые железнодорожные и водные пути на несколько тысяч километров; районами, округами и областями коллективизируются деревни; тракторы и комбайны делают экономическую и культурную революцию на селе.

В условиях социалистического труда—(соцсоревнование, массовое рабочее изобретательство, повышение норм выработки без увеличения зарплаты, что только может делать рабочий у нас, ударные бригады, производственные коммуны и коммуны сельскохозяйственные)—растет новый человек,—человек социалистического общества. Художник должен видеть, ощущать этот рост, происходящий в условиях борьбы и сопровождающих ее трудностей.

Мы видим, как социалистическое наступление, выкорчевывание остатков корней капитализма в нашей стране углубляют классовую борьбу.

Задача пролетарского писателя—показывать действительность, как она есть, уметь видеть и разоблачать врага пролетариата не только в нэпманско-кулацкой среде, не только среди «бывших», но и в самом пролетариате, в самой бедняцко-середняцкой массе. Пролетариат и трудящиеся массы еще не освободились от традиционной психологии капиталистического

В Бобриках, Тульского округа, положено начало строительства энергохимического комбината. Будет построена электростанция в 300 тысяч киловатт,—мощностью больше Волховстроя и лишь немногим уступающая Днепрострою,—химический, алюминиевый заводы, шахты американского типа и социалистический город с трамваем, фабрикой-кухней и проч. благоустройствами. К месту стройки прибывают тысячами строители.

На снимке одна из электрифицированных шахт.

общества. Чуждое классовое влияние, давление мелкохозяйственной стихии, инстинкты собственности, индивидуализм—наслаивались в психике людей из поколения в поколение. Отсюда раздвоенность человека, внутренняя борьба в нем. Один из примеров: заводская семья, коллективный труд вырабатывают общественника, активного стоителя. Но в домашнем быту часто тот же человек бывает другим. Влияют старые формы быта.

И т. д. и т. п.

Пережитки, старые традиции живут или пробуждаются в человеке и лежат в нем грузом, задерживающим его движение вперед. Ленин по этому поводу говорил: «Сила привычек миллионов и десятков миллионов—самая страшная сила».

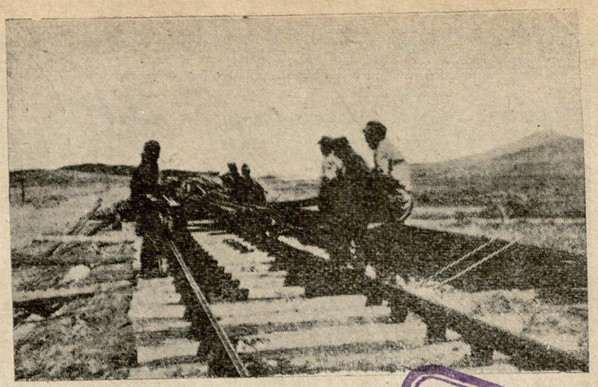
Но пролетариат строит новую жизнь, новый, совершенно иной социалистический мир в интересах освобождения всего человечества от классового гнета. Вместе с ростом этого нового растут и новые традиции. Они должны окончательно преодолеть старые традиции. Одно новое сменяет и порождает другое. Одно достижение, победа рождают новые идеи, стремления к новым победам Конечно, в борьбе за это новое возникают диалектические противоречия. Но все трудности преодолеваются.

Труд и борьба сейчас есть необходимость. Но они в то же время являются стремлением к цели. В борьбе есть уверенность в победе; поэтому в труде, несмотря на трудности, есть радость. И хотя держат тебя старые традиции, ты все же идешь, преодолевая трудности.

Задача пролетарского писателя—показать все эти пути героической борьбы своего класса, его достижения в социалистическом строительстве, его трудности, переживания, чувства, психологию, как необходимый момент самой действительности.

Все силы пролетарских художников должны быть мобилизованы на показ этой борьбы и помощь ей.

Попутчики должны пересмотреть свой старый творческий багаж и от узких задач разрешения только интеллигентских вопросов переключиться в сторону борьбы за достижения конечных целей пролетариата—за социализм. Для этого надо органически переделать себя и стать в одну шеренгу с пролетариатом.

Проведение Туркестано-Сибирской железной дороги близится к концу. Дорога несет с собою расцвет Средне-Азиатского края, усиление его хлопководческого хозяйств , индустриализацию, советизацию и коллективизацию хозяйства этого края.

Азгос. заоч. ж.-д. центр. Госуд. библиотека

Сейчас заметно растут новые силы пролетарских писателей вместе со своим классом. Они идут с фабрик и заводов. Силы эти еще молоды, но в них—расцвет пролетарской литературы. Героизм пролетариата, его великую социалистическую стройку они смогут показать, как никто другой, потому что они—самые близкие участники новой стройки, потому что они — представители своего класса, связанные с ним органически.

Будущее пролетарской литературы обеспечено.

В. Старцев.

ТЕРРОР.

Стихотворение Ал. Ватажина.

— «Ну, попробуй одно—укачай
и усни, одно укачая,—
чтоб не пить китайский чай,
не иметь китайского чая.
А виною всему—
колхоз,—
100 чертей
ему в потроха!»—
думал он.
И ворочался мозг,
как в собачьей шерсти блоха.
— «А ведь будет еще плоше,
и не так в кишках запоет:
дом,
корову,
лошадь
отберут,
а ведь, это
— «мое!»
Будет общий котел,
будет—
лагерь—
самогону испить не моги.
А известно:
без этой влаги,
как без дегтя сапоги!»
И вскочил,—
в шаровары влез,
закричал на жену:
— «Цай обрез!»

Сколько в темени
шороха, света,—
гуд в ушах,
и в глазах—огни...
У окна
председьсовета
засиделся
над грудой книг.
— «У, колхозник,
босая сволочь,
над моею графой
корпишь!»
Выстрел.
Полночь.
Тишь.

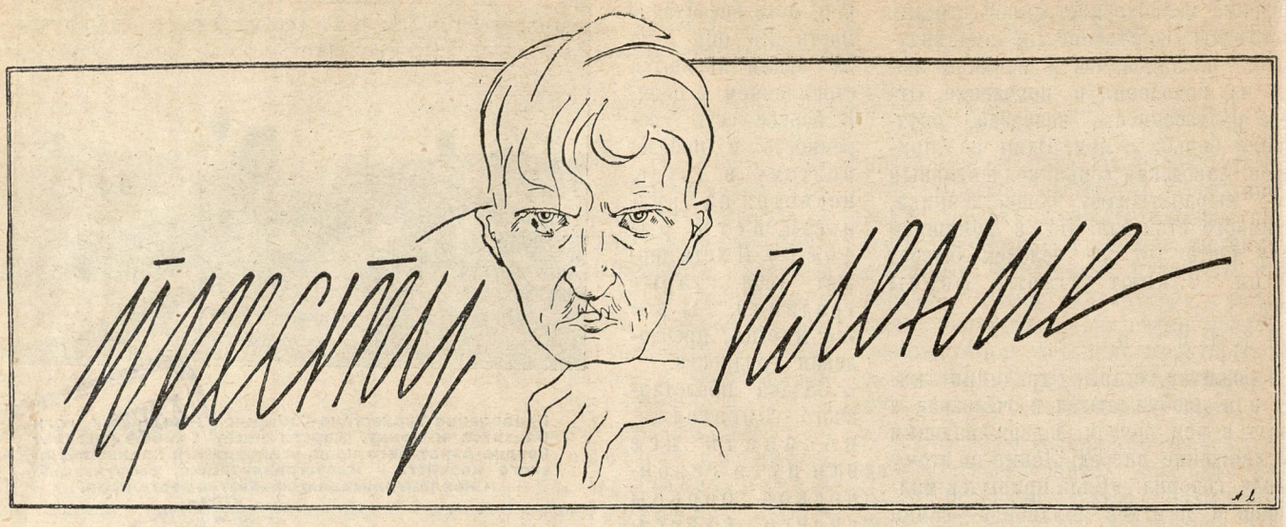
Вдруг, на вызов
колхозный лагерь
загудел,
забурлил.
В водолей
вырастала тревога,
как флаги
в первомайский юбилей.
Наступленье,
фронт без окопов,—
и гудело в ушах:
— «На коней!»
И в крови председьсовета
галопом бежал
и—упал, наконец.

Поутру
под'езжал по тракту
подкрепленьем колхозу
трактор.

* * *

Цветет республика садов,
и близок сбор плодов,—
но беспокоюсь:
на каждом дереве—
жиреющие черви.
Оберегай
(и не ленись)
сады от гусениц!

Рис. А. Лесного.

Прости, Павлик

Рассказ Ф. Кузнецова.

КОНЕЦ февраля. Утро, шесть часов, еще темно, а уж в завод вливается из всех улиц и переулков людской поток молчаливо и покойно. Все они о чем-то мыслят.

Большой корпус постепенно оживает. В корпусе много железных стропил, бетонных колонн, трансмиссий, приводов, станков. Несколько сот матовых фонарей, точно электрических лун, висят между проводами. Блестят маховики на станках точно замершие лужи на мостовой в холодную бесснежную осень.

Рабочий Ефим Брусов каждое утро пьет чай с колбасой и ругается с товарищами. Рабочие о нем говорят:

Ефим—человек отсталый и живет только водкой и колбасой.

На эти слова он обычно подщуривал оба глаза и с размаху бил словами точно кувалдой:

— Ах, мать!..

Так обычно он приступал к атаке.

Ефим был вечно недоволен.

— О чем ты все хнычешь, Ефим? Зарабатываешь ты хорошо, а все недоволен. Тебя никто не притесняет, живешь сам по себе. Что еще надо?—сказал ему в это утро Матвей Отжимов.

Он был моложе Ефима года на два. Говорил редко, а больше слушал и молчал.

— Жить, дурак!—словно стукнул Ефим молотом по крепкому металу.

— Все живем,—спокойно ответил Отжимов.

— Пошел... Ты живешь?

— Брусов омещанился, протух колбасой .. и окромя своего курятника ничего не видит.

— Молчи, молокосос! Что ты знаешь, комса! И язык-то твой—комса... Щенок паршивый!—произнес Ефим, и злые морщины заиграли на лице как меха гармонии.

Разговор прервался. Матвей о чем-то думал.

— Товарищ Отжимов, что же ты не возражаешь Ефиму?

— Не стоит. Я узнаю ослиную породу людей... А вот на счет мещанства хотите расскажу, товарищи?

— Расскажи,—послушаем.

Матвей сосредоточенно немного подумал и начал.

— Хорошо помню 1922 год. Мне было тогда тридцать лет, был молод и крепок здоровьем. О женитьбе в то время как-то не думалось. А работал я в Ленинграде на заводе токарем. Знакомство у меня с товарищами было большое. И вот я близко сошелся с одной особой. Нужно сказать правду: Зоя, так звали барышню, меня заинтересовала. Она хорошо одевалась, брызгалась духами и была красива. У нее были густые черные брови и крупные выразительные глаза. Не прошло и месяца со дня знакомства, а я уже расписался с нею в загсе. Есть пословица, что от любви люди слепнут; это же самое случилось и со мной... Но потом...

Отжимов замолчал, как бы сосредоточивая мысли. Кто-то заметил:

— Интересно.

— Нет, как увидите, совсем не интересно. Благодаря женитьбе я оторвался совершенно от общественной работы. А был я тогда и председателем культотдела и членом горсовета, состоял членом бюро МОПР'а. А с женитьбой все забросил. Товарищи сперва убеждали, потом грозили; наконец надоело приставать и заключили:

— Женился, омещанился... Ну и чорт с ним!

Мир мой сузился. Всюду только с одной стороны—«я», с другой—«она».

Там, посмотришь, перестройка жизни, шум заводских собраний, бодрые голоса, смех... Комсомол, актив, партия... А тут она: глаза, черные брови, и слова:

... Петров упал ...

— Как ты хорошо делаешь, что не якшаешься с толпой.

— То-есть как с толпой?—возражал я.

— Ну, с рабочими. По-моему, они ужасно грубы.

— А я-то кто ж?

— Оставь, ты совсем другой. Ты сердишься, глупый? Зачем?

И тут ее руки обвивали мою шею. Я отдавался и мяк.

Матвей обвел всех взглядом и нервно передернул мускулами на лице.

— Отжимов, рассказывай дальше, — торопили его товарищи.

— Прошло полгода. Я жил только женой и комнаткой. Зарабатывал я хорошо. Зоя закупала разные безделушки, а больше всего платья, наряды. На окна повесила шелковые занавесочки, на комод и стол наставила разных безделушек. Я оказался в их власти. При таком размахе на жизнь у меня стали встречаться затруднения в деньгах. Не стало хватать и двухсот рублей, а между тем я зарабатывал их с большим усилием. А Зоя ласкалась, прижималась как пластырь и между ласк говорила:

— Ты бы, Мотя, постарался пролезть на какой-либо ответственный пост. Посмотришь, какие бездарные рабочие и то пролезают, а ты...

Пронижишь ее так взглядом...

— Не сердись, скажет, это я между прочим, дурачок ..

От получки до получки у нас денег стало недоставать. Я нажимаю на работу, кладу последнюю силу. Прихожу усталый домой.

Мастер цеха, Валя Петров, был хороший мой товарищ, как и я, из рабочих, выдвиженец. Он распределял нам работу. Был он партиец, парень до мозга костей честный.

Как я уже говорил, мне хотелось больше зарабатывать. Однажды мне стало казаться, что Петров стал давать мне работу с плохими расценками. Я зарабатывал хорошо, но мне хотелось больше. Я не знал предела. В погоне за заработком портил вещи, ругался с браковщиками. Но вот мне попала совсем невыгодная работа. На этой почве я с Петровым поругался, и отсюда началась моя ненависть к нему. И чем больше жена увеличивала расходы, тем больше росло недовольство. Вся моя мысль была поглощена только заработком. Требования к жизни росли, росла и злоба против Петрова. Я стал, наконец, жить долгами.

Однажды Петров выдал мне совсем плохую работу. Я упирался и не брал.

— Вы, товарищ Отжимов, заелись. Вам вся работа плоха.

— Вся... мерзавец!—произнес я.

— Да? Благодарю,—сказал и отошел спокойно от меня.

Отжимов, нервно теребивший гайку в руке, отбросил ее в сторону. Молодой комсомолец с любопытством впился глазами в Матвея. Ефим глубоко дышал, ширя ноздри, а морщины с любопытством сложились на лице и точно слушали. Потом он сказал:

— А любопытно! Послухаем, что дальше.

— Дальше? Дальше хуже. Я стал искать способа мстить Петрову. И надумал...

Кончили в четыре часа. Я положил в карман дюймовую гайку. Вымыл руки. Вышел позже всех. А Петров всегда на час задерживался после работы. Темно. Я спрятался за стену и ждал. Дрожал весь. Сердце отчаянно стучало. Горела ненависть во мне, и жгла мозг одна мысль. Скрипнула дверь. Понурая, задумчивая фигура Петрова появилась при свете дворового фонаря. Взвилась рука с гайкой...

СТРОЙКА НАЧАЛАСЬ. *Фото Мельникова.*

Сезонники за работой.

— Ой!—услыхал я слабый крик. В одно мгновенья увидел, как покачнулся Петров и упал. Мною овладел испуг. Я бросился бежать, огибая темный корпус. Споткнулся. О что-то сильно ушиб ногу. Но я, казалось, не чувствовал боли. Шел торопливо, гонимый страхом. Я отомстил.

Я на улице. Темно... холод... Внутри какая-то пустота. Я ли это шел—Отжимов, один, или там за стеной кто-то другой .. не знаю. Но кажется он, Петров, идет за мной незримо и говорит спокойно и упорно, без боли и ненависти одни слова:

— Благодарю, товарищ Отжимов!.. Благодарю...

Чем ближе я подвигался к дому, тем больше и больше ненависть переключалась на жену. Я стал вспоминать ее ужимки, глаза, пресыщенные, окрашенные губы... духи, платья...

Не доходя до дома, на улице, я уже почувствовал противный запах духов. Было холодно, но я не замечал этого, нет, потому что у меня внутри был другой холод—внутренней пустоты...

Пришел домой. Жена стояла перед зеркалом в шелковом платье. Она собиралась в театр. В комнате находился незнакомый мне лощеный человек, с гладко прилизанными пробором.

— Мотя, знакомься: мой родственник Вродин.

— Пошла ты к чорту!—прокричал в исступлении я.

— Хам! Рабочий! Невежа!.. Все вы вот такие! Сережа, пойдем,—я его ненавижу.

Они вышли. Я остался один, с тоской, мукой, болью... Я лег в кровать. Запах духов закладывал мне дыханье, перед глазами торчал прилизанный пробор...

* * *

На утро, разбитый и больной, я пришел на работу. Так же, как всегда, светили электрические огни, молчали привода, станки... Тот же запах масел ударял в нос.

Кучками сидели рабочие, но между ними шел возмущенный разговор. До меня долетели слова: Это подлость!.. С корнем нужно вырывать преступников, бандитов .. А Петров—прекрасный товарищ... Нет это возмутительно, гадко! Это так оставить нельзя...

Я шел, подавленный, мимо верстаков и групп людей.

— Да кого?

— Мастера Петрова.. Ай не знаешь?

— Кому-то насолил!

— Он человек хороший, его все любили.

Я сел у своего станка. Внутри рос испуг. Глаза неестественно смотрели кругом. Я старался быть бодрым,

веселым, но это у меня как-то не выходило, и вместо улыбки ехидно скользила по лицу горькая гримаса.

Ко мне подошел мой товарищ. На лице у него была тревога. Он что-то уже знал про Петрова.

— Матвей, слышал?.. как-то таинственно произнес он.

— Что?—стараясь ничего не знать, в свою очередь спросил я его.

— Мастера Петрова, твоего товарища, кто-то чуть не угробил.

— Петрова?

— Да... Ведь это подлость, а?..—Он решительно и упорно посмотрел на меня, требуя подтверждения его слов.

— Подлость!—произнес я через силу и глубоко вздохнул.

— За это дело мерзавца повесить мало!—услышал я голос секретаря ячейки.

Весь день по мастерской только и было разговору о покушении на Петрова.

— Ну, а что он жив?—спросил я одного рабочего.

— Жив... В больнице... Говорят, жить будет.

По мастерской бегали секретарь, уполномоченный, заведующий, директор... Приезжали из губрозыска. Допрашивали.

Проходит день, неделя, месяц... Виновника не нашли. Я хожу на работу разбитым, больным. Сплю плохо. Вижу кошмарные сны. Осунулся. Мало ем.. Стараюсь работать, чтобы трудом затушить боль, но боль с каждым днем росла. Сознание преступления не давало покоя. Жена после этого случая прожила со мной только неделю. Я ее не останавливал. Какое-то безразличие ко всему было во мне в то время. Зоя ушла, забрав с собой все тряпки и безделушки.

— Ты не против, что я беру эти вещи?—спросила она перед уходом.

— Бери, пожалуйста, мне ничего не нужно,—равнодушно сказал я.

После ее ухода я заметил на столе несколько оставшихся фарфоровых фигурок. Я сбросил их на пол.

Через три месяца уехал я из Ленинграда,—подался на юг. И вот работаю уже уже семь лет здесь. Как видите, участвую во многих организациях. Работаю все свободное время и так люблю эту работу, что оторвись—и жизнь станет пустой. Перед тобой весь мир как огромная книга; читаешь ее, и так интересно, не оторвешься. Всюду кипение. Радуешься, когда расчищают по СССР пустыри, копают буты, кладут камень, кирпич... Растут заводы, электростанции, колхозы, шахты... И там, где были дебри, раздаются радостные голоса.

Матвей умолк. От сильного волнения у него горели глаза.

Раздался звонок. Рабочие приступили к работе. Отжимов направил резец на твердый, но покорный металл.

Ф. Кузнецов.

Фото А. Германа.

Горы руды, готовые к переплавке на чугун и железо для строительства.

(Косая гора).

ВОССТАНИЕ.

ИОГАННЕС БЕХЕР.

Воют гудки. Улиц дыра
Глотает людей омутами утра.
По улицам толпы.
С вокзала к вокзалу
По городу шарит придушенный гуд:
Друг друга касаясь плечами, устало
Рабочие массы идут..
И грянули бури!.. Ноябрьские бури.
Гранатами выбрив круга площадей.
Свобода .. Багряная радость в лазури...
Проигранный бой... Трупы людей...
Могилы, могилы, могилы, могилы...
Уходит рабочий от жизни постылой.
Но снова из шахт, из могильных глубин
Выходят подземные люди.
Проносится зов, этот зов не один,
Он грозен как гул колоссальных турбин,
Он массы рабочие будит.

На улицах ветер, на улицах лед,
В дыму утонул голубой горизонт,
И лязгает буря по крышам.
По улицам толп протекает волна,
Как черная пена струится она,
Вздымаясь все выше и выше.
С литейных заводов,
текстильных цехов,
Цементщик, и ткач, и литейщик
Идут в соразмеренном ритме шагов,
В созвучьи простых, недосказанных слов
На площади. Яростно хлещет
кумач обожженные плечи.
Чертит прожектор по бархату ночи
Радиовесть: „Взбунтовались рабы“!
Власть переходит к восставшим рабочим
После тяжелой борьбы...

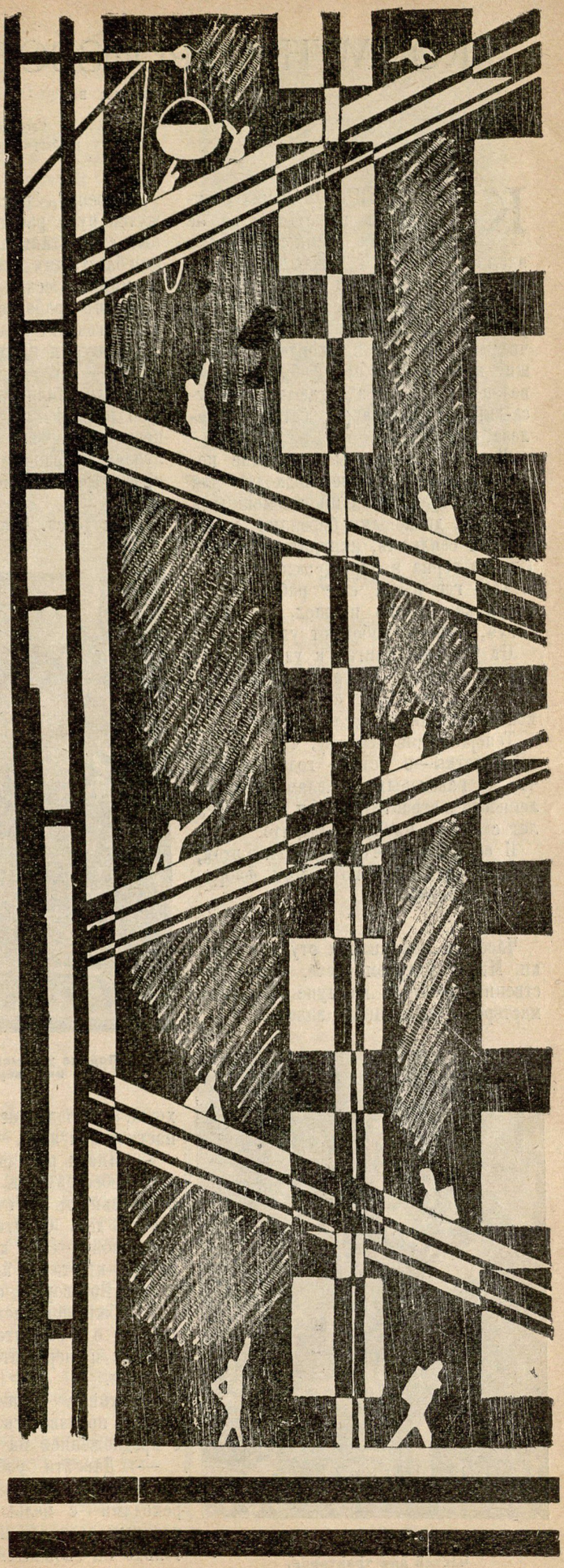
С немецкого перевел—
БОРИС СЕНОПАЛЬНИКОВ.
Лит. кружок металлистов.

Стройка

Стихотворение Сергея Володина.

Там,
где зимняя стужа
Заковывает
в олово лужи,
Где ветер
лопух полощет,
Распланирована площадь,
И готовы
давно
чертежи:
Здесь стройку
начать надлежит.
Под птичий
лирический щебет
Навозили
гравий и щебень.
Свалено несколько тонн:
Стропила,
кирпич и
бетон.
И лучи,
по ручьям заплясав,
Обсыпали охрой леса.
И запахло
вином древесины,
Где пилы,
роем осиным
В'едаясь в смолистое тело,
Брызгали пеной белой,
Где пели
с синего апреля
Ансамблем
топорные трели,
И, оставив
село далеко,
Явился сюда землекоп,
Каменщик,
плотник.
столяр,
Покинув
ржаные поля.
И солнце,
согнав снега,
Положило
на лица загар.
И рад весне,
как жене,
Загорелый
седой инженер.
И рабочие
бронзовой кожей
Чуть-чуть
на индусов похожи.
Здесь литься
топорным руладам
До первой осенней прохлады.
А когда
поржавеет лето,
Когда роща
листья уронит,
Строительство выполнит сметы,
Биржу покинет
сезонник
И там,
где десятки лет с лишком
Воевали
с крапивой мальчишки,
Выставляют
бетонный фасад
Многоэтажные корпуса.
И скрутил
в провода
телеграф
Богатый
природный ландшафт

Сергей Володин.

КОММУНЫ ПРОИЗВОДСТВА.

Очерк Н. Стрекопытова.

Сегодня бейся, революционер,
на баррикадах производства.
Вл. Маяковский.

КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ индустриализация за целое столетие не знала таких темпов, какими идем сейчас мы. И каждый день новое, великое отмечают эти темпы. Там, где были пустыри, сейчас высятся и растут огромные дома-жилища рабочих; там, где стояли закоптелые, похожие на сараи, здания фабричек и заводов, сейчас воздвигаются корпуса-гиганты из стекла, бетона и железа.

Исчезают и пестрые, узенькие полоски пашен. Они не подходят для мощных тракторов с многолемешными плугами, дисковыми боронами и рядовыми сеялками, аккуратно бросающими зерна в парящуюся землю.

Там, где вчера еще работали по старинке:—«День прошел, и слава богу»,—сейчас работают ударно.

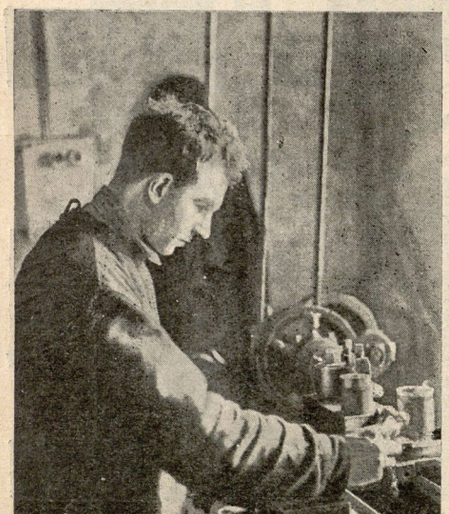
От ударных бригад к ударным цехам и заводам, к производственным коммунам переходят строители великой, невиданной доселе стройки.

Теперь видно всякому, что лозунг «Пятилетка—в четыре года» реален, что по некоторым отраслям промышленности и строительства и с четырех лет скостить придется кое-что.

И если кто еще сомневается в этом, давайте пройдемся по нашим фабрикам и заводам.

* * *

Часовым механизмом стучат станки. Мы в ударном цехе, производственной женской коммуне сборочной мастерской патронного завода.

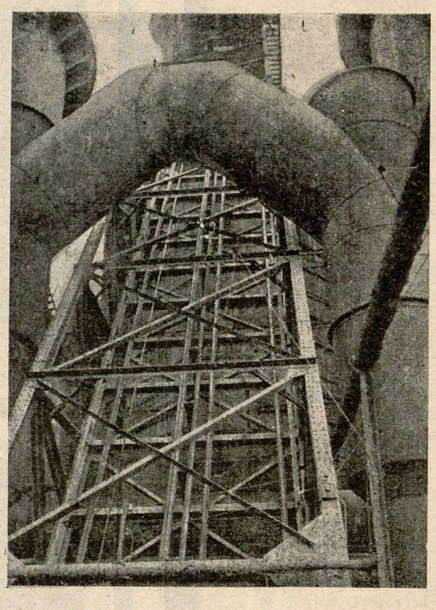

Фабрика „Деталь" производит выработку частей для тракторов. На снимке—рабочий за выработкой частей.

Уверенно, ритмично, точно движутся руки работниц под этот мерный стук станков, и готовая продукция блестящим дождем падает в ящики из металлических рукавов

— Мы работаем ударно, коммуной,—говорит работница, поправляя выбившуюся прядь волос из-под косынки.—Так работать лучше. Раньше работали индивидуально. Заработок наш разнился на 2—3 рубля, а теперь все поровну зарабатываем, получаем по одной расчетной книжке и, смотрите сами, одинаково трудимся.

Загляделся. Все движения так похожи, точно это не в заводе, а в гимнастическом зале.

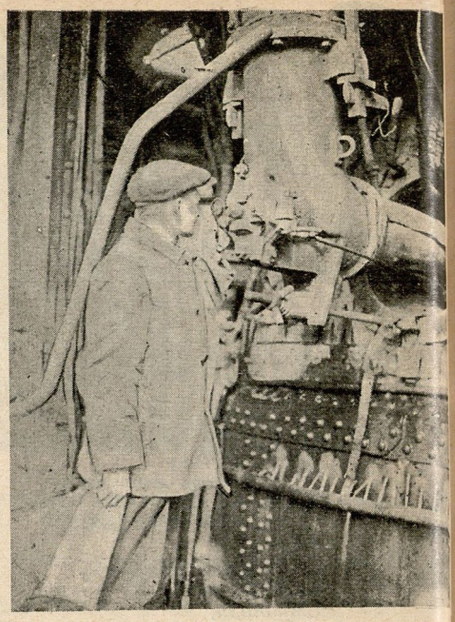
Подача у доменной печи завода им. Дзержинского.

— Имеем ряд достижений. Снизилась себестоимость, поднялась производительность за счет заполнения рабочего дня. Сагитировали соседний обжимной цех на коллективный труд, но там кто-то из администрации тормозит. Поговорите сами.

В обжимном цехе охотно рассказывают о возмутительной неповоротливости и нерешительности администрации.

Работница Прокофьева, одна из старых производственниц, выступила с предложением на цехсобрании:

— Давайте работать коммуной, требовать отмены завеса между переходами с целью сокращения накладных расходов и оставления его только на окончательном переходе для контроля и учета.

У доменной печи. Наблюдает „в глазок" за литьем.

Цех поддержал Прокофьеву, и протокол пошел на утверждение. Но до сих пор предложение Прокофьевой не разрешено администрацией, протокол блуждает по дебрям административных инстанций.

Если в сборочной мастерской женская коммуна обращает на себя внимание слаженностью, то количественно (6 человек) она уступает производственной коммуне отжигательного отдела прессовой мастерской, в которой 110 человек. Приятно смотреть на закопченные, потные лица рабочих-коммунаров, суетящихся около печей. Тяжело нагруженные ящики-ситá с неостывшими деталями опускаются в щелок, выхватываются и передаются для обтирки работницам-обтиральщицам, которые тряпками и концами обмахивают детали и принимают новую партию.

Живым конвейером переходит работа из рук в руки.

Здесь не разговаривают много. Работа не ждет и не терпит. Печи зря не топятся.

— Мы давно получаем заработок по одной расчетной книжке. Лодырей и прогульщиков нет. Сами следим за товарищами, и если замечаем за кем невнимательность или отставание от товарищей,—не без самодовольства рассказывает один из рабочих,—то стараемся воздействовать по-товарищески. Только в исключительных случаях, когда человек явно неисправим, требуем воздействия со стороны администрации.

Моего собеседника позвали, и через минуту я увидел его мелькающую фигуру в другом конце мастерской склонившейся около печной двери.

— Если вы интересуетесь, как работают производственные коммуны,—

кричит он мне, пробегая мимо,—то пройдите в механическую мастерскую: там одна из наших лучших коммун.

Молодой энергичный рабочий тов. Василевский, без малейшей тени хвастовства, рассказал, как много трудов пришлось ему положить на организацию коммуны.

— В других мастерских, где заработок почти одинаковый, где целые цехи делают одну и ту же работу, организовать коллективный труд, конечно, было легче, чем у нас,—начал он свою повесть.—Пестрота расценков, различная квалификация рабочих и ряд других обстоятельств заставляли думать о трудностях. Несмотря на неверие в успех со стороны ряда товарищей из ячейки и профорганов, мы все же в декабре месяце организовали коммуну из 3-х человек. Успех был настолько значителен, что наша коммуна выросла до 11 человек, и сейчас из всего цеха вне коммуны только одна девушка да три станочника. Первая не желает работать в коммуне (сектантка), а станочники разнятся от столяров заработком.

— Вы спрашиваете, какие у нас достижения, — продолжает Василевский.—Вот они: производительность подняли на 15 проц., совсем изжили простои, прогулы и опоздания, снизили себестоимость изделий, в среднем на 20 проц., улучшили качество, заполнили актуальный рабочий день на 100 проц. и, наконец, производственную коммуну коммунизировали, дав в партию 80 проц. состава рабочих всего цеха.

Когда зазвенел звонок, дающий сигнал об окончании обеденного перерыва, тов. Василевский пошел к верстаку и, прощаясь на ходу, крикнул:

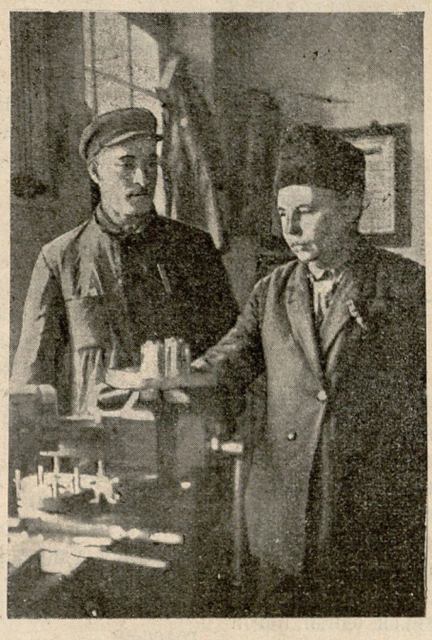
— Мы выполним пятилетку в четыре года. Цифры, которые я вам сказал, не окончательные. Заходите через некоторое время и вы увидите, что мы используем все возможности в деле поднятия производительности труда.

— Товарищ,—остановил он меня у выхода,—вот, будьте добры, передайте письмо тов. Степанову, которого мы избрали почетным членом нашей коммуны.

«Дорогой Сергей Иванович,—говорится в письме.—Ты являешься испытанным большевиком ленинской партии, ни на шаг не отступающим от ее генеральной линии. Наша коммуна так же твердо будет итти по намеченному пути и обещает с честью выполнить взятые на себя обязательства. Присваивая себе твое имя, мы будем так же тверды и постоянны, как ты».

Удивительно ли, что мы так растем, если в наших рядах тысячи незаметных тружеников-героев, подобных Василевскому!

Никакие потуги капиталистической рационализации не дадут таких темпов, какие имеем мы, ибо только пролетариат может быть героем на производстве, а герои рождаются лишь в боевых схватках за свои общие интересы.

Изобретатели и рационализаторы ф-ки ВЗОК Карякин и Кубышкин у изобретений.

Пионерская техническая станция Центрального района своими силами, под руководством взрослых рабочих, сконструировала и сделала весь нужный инвентарь (лопаты, грабли, лейки и т. д.) по размерам и конструкции вполне подходящий для пионеров-колхозников.

16 марта юные техники устроили торжественную демонстрацию производственной смычки с юными колхозниками. Организованными колоннами они подошли к окружному бюро ю. п. и передали весь сделанный ими для детской коммуны инвентарь.

Рабочий ф-ки ВЗОК т. Карякин сконструировал печь, в 4 раза ускоряющую окраску и сушку скобяных изделий.

Поля советские.

Их топтали печенеги,
Колесили их телеги
И скрипела в них соха—
Так земля была суха.
Их века поили кровью
И пожар их опалял,
Чтоб и новиной и новью
Одарили нас поля.
Виден был холопий полох,
Слышен ропот топора.
А теперь на многопольях
Запыхтели трактора.
Так угар невольных свадеб,
Ужасы седых усадеб
И престолов костолом
Разгромил Октябрьский гром.
Кумачем раскрасив зелень,
За железным полотном,
Села правят новоселье—
Город с ними за одно.

АНТОНИНА ЕГОНИНА.

Едва ли можно сомневаться, что одним из самых важных фактов, если не самым важным фактом нашего строительства за последний год, является тот факт, что нам удалось добиться решительного перелома в области производительности труда. Перелом этот выразился в развертывании творческой инициативы и могучего трудового под'ема миллионных масс рабочего класса на фронте социалистического строительства.

В этом наше первое и основное достижение за истекший год.

И. Сталин.

Проповедник

Рассказ В. Вешняка.

В этом своем первом беллетристическом опыте автор показывает, как церковники со всей хитростью стремятся использовать религиозных людей для борьбы с наступающим новым, с стройкой социализма, чтобы спасти свое старое.

I

ВЕСНОЙ в село Головеньки к Илье Прокофьевичу из города приехал проповедник. Илья Прокофьевич был такой мужик, в котором вера в бога держалась как болото на бучиле за гумнами села.

Ничто не может высушить болото, не нужное для головеньковских мужиков: ни солнце жаркое, ни ветры, ни морозы. И стоит болото на бучиле испокон веков, чадит на луга застойным болотным запахом.

Издали глядеть: болото пышное, зеленое, но трясина, скрытая под этой зеленью, жуткая. Осунься одной ногой в нее, и она потянет тебя всего, засосет, не вылезешь.

Болотной трясиной стояла вера в Илье Прокофьевиче.

«Добрый, тихий мужик, редкий»,— говорили в селе про Илью те, в ком еще восковой свечей теплилась вера. А он чадил на них словами божественными, словно пчел окуривал.

Вечером, когда напились чаю, Илья Прокофьевич с проповедником разговаривал наедине.

— Крепка ли у вас вера в бога? — спросил проповедник пытливо, чуть прищурив левый глаз.

Илья Прокофьевич думал, что он начинает его исповедывать и приготовился отвечать. Многое хотел сказать крепкого, убеждающего, но проповедник после первого утвердительного ответа больше ничего не спросил, только на лице его проскользнула тонкая, неуловимая улыбка. Потом он повел себя как-то проще, развязнее.

Когда Илья Прокофьевич говорил о своей вере, о надежде на бога, проповедник бродил глазами по сторонам, как будто и не слушал его. А когда Илья Прокофьевич погасил последнее слово, проповедник взглянул на него с таким выражением на лице, словно говорил: «Хе, чудачок! Ты еще будто маленький». Потом заговорил таким тоном, которого совершенно не ожидал Илья Прокофьевич.

— Т-а-а-к, та-ак! Вот, знаете ли, есть такие слова: «Блажен, кто верует, тепло ему на свете». Потом вы вот говорите: «Крепко надеюсь на бога», а на это есть такие еще слова: «На бога надейся, а сам не плошай». Правда, они не из евангелия,— земные слова, народные. Но и их забывать не надо. Если вы хотите стать во главе общины, то надо кое-что побольше знать. Надо уметь не только молиться, но и бороться. Да, Илья Прокофьевич, вы не удивляйтесь моим словам. Видите ли, для нас не бороться, значит не существовать. Ведь мы верующие, и наши общины — это все для нас, что осталось от старого мира. Вы подумайте: вот, например, у вас организуют колхоз. Что это значит? Это значит конец общине, конец вере. А бог? Он спросит: «А что вы делали?» Вот, Илья Прокофьевич, с колхозом, значит, нужно бороться и со всем, что идет разрушить веру, разрушить вековые святыни человечества. Не нужно ничего бояться, надо всегда помнить, как страдал Христос. Лучше погибнуть, а веру спасти...

II

Вечерком Илья Прокофьевич кинул известие о приезде проповедника, словно неводом повел по селу. Просил притти к нему и других позвать. У икон еле брызгала светом зеленая лампадка. У задней стены, напротив двери, за закрытым белой скатертью столом, сидели проповедник и Илья Прокофьевич. Народ собрался скоро. Больше женщины, потом старухи, старики.

Пошептался проповедник с Ильей Прокофьевичем, начал говорить.

Торжественны были его слова, крепкие. Знал проповедник, что сказать «православным». Слушал Илья Прокофьевич, удивлялся и радовался искусству проповедника.

Вдруг ветром в горницу — председатель сельсовета. Подошел широкой походкой к столу, бухнул басовитым голосом:

— Предлагаю собрание закрыть!

Разом поднялась пальба в председателя. Почувствовал он себя как в бою. Затрещали пулеметом бабьи голоса.

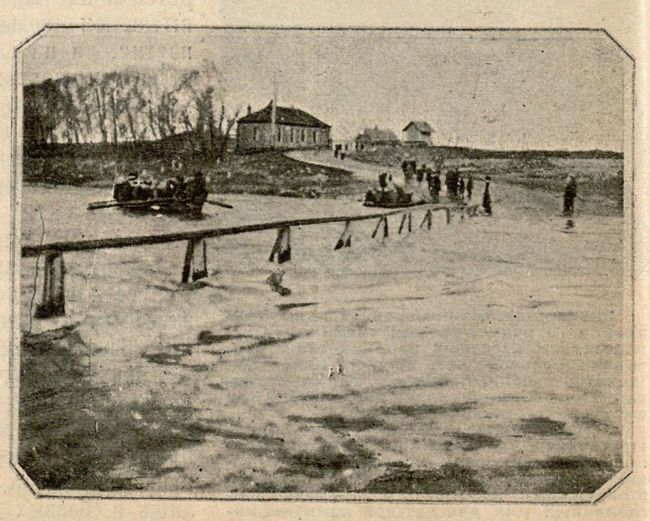
Белым командиром стоял за столом проповедник. А председатель будто из пушки погромыхивал:

— Закрыть, граждане!

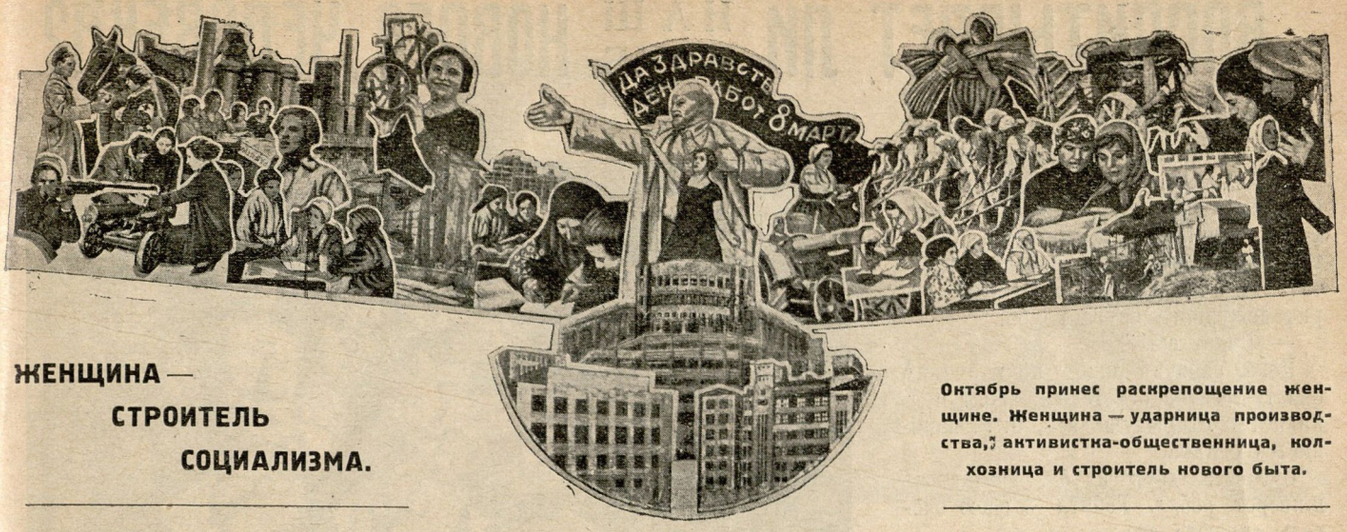
Зашли в горницу комсомольцы и избач. Обрадовался им председатель как подкреплению.

— Церковь надо закрыть, а вы...

Загудела горница несмолкаемым боем. Громыхали слова председателя ..

ПОЛОВОДЬЕ В ТУЛЕ. У переправы. *Фото Мельникова.*

ЖЕНЩИНА — СТРОИТЕЛЬ СОЦИАЛИЗМА.

Октябрь принес раскрепощение женщине. Женщина — ударница производства, активистка-общественница, колхозница и строитель нового быта.

Немного-понемногу затихла бабья стрельба, улеглась. Тогда начал председатель:

— Граждане! За кем вы идете? Кто он — этот проповедник, чьего происхождения?.. Скажите-ка мне,— обратился он к проповеднику.

— Я-а-а... крестьянин, но, видите ли...

— Да я вижу, вижу!

Илья Прокофьевич, испуганный шумом, сам упрашивал:

— Расходитесь, православные, расходитесь!

Разошлись «православные». Испуганней стал выглядеть проповедник, а председатель разговаривать с ним не стал, только сказал твердо:

— Завтра чтоб не был вас тут!..

III.

Стояли на редкость теплые весенние дни. Бурно таяли снега. И по селу и по полям, на сотни верст кругом, звонкоголосые ручьи запевали шумную песню. К тонкоголосым ручейкам присоединились басовитые большие ручьи, бегущие по лощинам и оврагам. И тогда только грянула, зашумела весна полноголосым хором половодья.

Илья Прокофьевич запрягал в сани гнедого, чтобы отвезти на станцию проповедника.

Еще не ослаб утренний мороз. На нестаявшем снегу лежала тонкая корочка льда. Илья Прокофьевич торопился. Скоро они на санках поехали по звонкой дороге на станцию. Взлетал ледок под копытами гнедого, звонким серебром рассыпался по сторонам.

Илья Прокофьевич, умевший хорошо понимать людей, стал пристально вглядываться в проповедника: он думал найти в нем что-то высшее. Солнце ласкало Илью первым своим теплом, слух его ловил веселую песню весны. Весь он был здесь, на земле, и ни о чем больше не думал, ничего больше не желал. Чувствовал, что есть у него желание только жить.

Ехали молча. И когда проповедник встретил старающийся проникнуть в него взгляд Ильи и по замеченной раньше задумчивости Ильи Прокофьевича догадался, что вчерашняя его беседа в чем-то смутила его.

Проповедник хотел поговорить с ним, но почему-то не стал, спрятав под длинные брови глаза.

Они доехали до реки и увидели, что мост был разобран. Илья Прокофьевич остановил мерина.

— Ах ты, боже мой! Ну что ты будешь делать? Лед-то быдто крепкий, придется так итти. Авось, бог не без милости.

Проповедник, трусливо переступая ногами, медленно двигался по ноздреватому, изъеденному солнечными лучами льду. Дошел почти до середины. Не выдержал лед, рухнул.

Илья Прокофьевич, крестясь, поспешил на помощь, но оскользнулся, упал, обжег тело ледяной водой. Проповедник хватался за льдины, кошкой карабкался. Вокруг них широко раздвинулись льды. И вот проповедник взобрался на льдину, кружившуюся по полыни, но она была так мала, что еле держала дробное тело проповедника. И когда Илья Прокофьевич ухватился за нее, она заколыхалась.

Проповедник вскрикнул. Он так боялся, что льдина опрокинется, что они утонут, если Илья Прокофьевич ухватится за него. Он испуганно заметался; потом с какой-то звериной уловкой прилег и, вытянув ногу, начал сапогом отпихивать от льдины руки Ильи Прокофьевича.

— Илья Прокофьевич, не губите! Не губите, бросьте, бросьте! Не губите, не губите! Иль...

Льдина всколыхнулась. Проповедник сжался, оскалил зубы, спрятал под длинные брови глаза и сильнее стал каблуком сапога бить по рукам Ильи Прокофьевича. Тот онемел от неожиданности. А когда кровь окрасила его руки, Илья, тряся рукой над головой, крикнул:

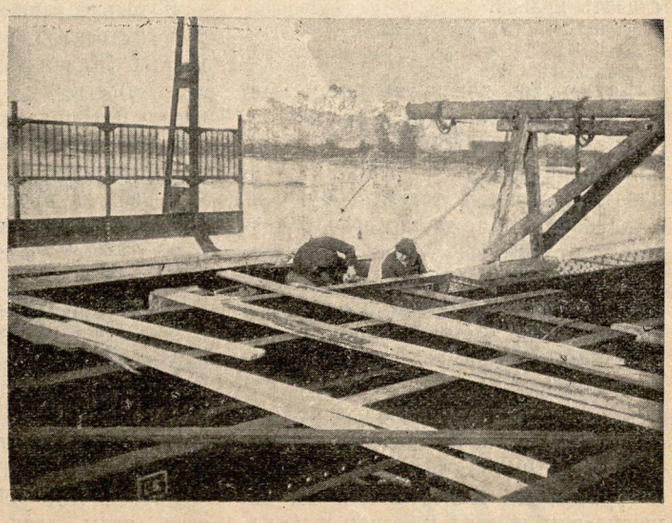
— Проповедник!

В этот миг в нем вспыхнуло в сознании, что нет того, во что он так долго верил, а есть жизнь, за которую так жадно они цепляются...

. . . . . .

Шумели льды, дыбились, грозили...
Одинокий гнедой брел к селу.

В. Вешняк.

Постройка Чулковского трамвайного моста заканчивается.

ВОСПИТЫВАЕТ ЛИ НАШ КЛУБ НОВОГО ЧЕЛОВЕКА?

У ПОДЪЕЗДА клуба «Красный Строитель» ежедневный шум и гам. Это--молодежь ждет начала спектакля или кино. Изредка сквозь толпу, под гвалт и греготанье, проталкивается взрослый рабочий-строитель. Его встречает озлобленный окрик дежурного друга клуба:

— Билет есть?

Пока рабочий ищет по карманам билет, десяток оголтелых ребят проникает в открытую двер, и. . . начинается свалка.

Ругается друг клуба, хватает за шиворот ребят. Ребята в свою очередь «кроют» его.

Такая картинка—обычное явление у дверей каждого тульского клуба. И от такой встречи у пришедшего в клуб взрослого рабочего совершенно пропадает всякая охота еще раз заглянуть сюда.

* * *

Клуб «Металлист»—один из крупнейших тульских клубов.

В фойе посетители клуба дожидаются увеселительной части, а в зале в это время идет интереснейшая лекция — «Город будущего», сопровождаемая картинами на экране.

Другой вечер — другая картина. На сцене пьеса «Гора» (З. Чалой). Показывается жизнь шахтеров. Вредительские замыслы главного инженера рудника и раскрытие этого вредительства. Пьеса в клубе ставилась 5 раз и имела большой успех у рабочих зрителей.

Это говорит за то, что художественную клубную работу можно поставить на должную высоту, и клуб таким образом сумеет выполнить свою основную задачу—воспитателя нового человека.

Пока что о наших клубах этого сказать нельзя.

* * *

Какую же духовную пищу дает рабочему зрителю наш клуб?

Вот клуб «Серп и Молот», обслуживающий вместе с рабочими патронзавода и окраину города — Чулково. В клубе работает драматический кружок, который за 5 месяцев осенне-зимней работы подготовил к постановке только три пьесы, из которых две совсем не были допущены к постановке.

Почему?

Да потому, что у клубных руководителей не было никакого классового чутья и работой драмкружка никто не руководил. И получилось то, что кружковцы начали готовить к постановке пьесу Скитальца «Огарки», рисующую упадочническое настроение, непробудную пьянку мелкобуржуазных слоев русской интеллигенции. Полтора месяца зря было убито на работу по подготовке пьесы.

Живая газета клуба.

Конечно, такими спектаклями, как «Огарки», не воспитать нового человека. И только недавно, когда сменили руководителя, драмкружок стал заниматься серьезной работой.

С хоровым кружком в клубе тоже неблагополучно: года два подряд хором руководил соборный регент Федуркин, которому, конечно, «тошно» было подбирать и прорабатывать нужные рабочим пьесы. Распевал хоровой кружок все, что вздумается регенту, и от его песен пахло ладаном.

* * *

И только один сдвиг есть в клубно-художественной работе — это живые газеты. Живая газета клуба строителей «Постройка» в своих номерах откликается на все животрепещущие вопросы нашей бурной, полной творчества жизни.

Борьба за промфинплан, соцсоревнование, антирелигиозное движение и т. д.—все это отражается в «Постройке».

Недурно работают агитгруппы и в клубе «Серп и Молот». Хорошо поставил свою работу кружок ИЗО: каждый революционный праздник, каждую кампанию кружок дает плакаты, художественные диаграммы, обслуживает карнавалы и т. д.

Кружок ИЗО действительно отдает свои силы делу социалистического строительства. Кроме того, кружок выпускает сатирический художественный журнал и ежегодно устраивает выставки своих работ.

* * *

Ни одно из правлений больших рабочих клубов не сочло своим долгом спросить рабочих: чего они хотят от своего клуба? Какие постановки нравятся им и какие не нравятся?

Ни диспутов, ни рефератов на эту тему в клубах не проводилось.

Правление клуба само по себе, а рабочий зритель сам по себе.

В мобилизации клубного искусства на борьбу за выполнение основных задач, стоящих перед рабочим классом, «клубники» не считают нужным задумываться.

Вопросы воспитания рабочих масс, как строителей социализма, клубами не ставились в план повседневной их работы.

Клубы должны подхватывать инициативу и энтузиазм настоящих революционеров-строителей, отражая все это в художественных формах. Каждая новая победа рабочего класса должна быть своевременно отражена на клубной эстраде.

Вместе с этим клуб не должен ни на минуту забывать о борьбе с обывательщиной, хулиганством, рваческими настроениями отдельных рабочих и в художественной форме должен клеймить позором эти явления.

Рабочий клуб служит не только местом развлечений и отдыха,—главная его задача воспитать нового человека, с новой пролетарской идеологией.

К. Шапошников.

Смерть колхозника МИШКИ.

Очерк Я. Лукьяненко.

ЭТУ историю рассказал нам активист-крестьянин Лаврухин по пути в дер. Ерлино, Скопинского района.

Мы ехали молча. Уж поднялись на гору, откуда было видно деревню Ерлино, ветряки Александровских выселок. Впереди бежала дорога и где-то на горизонте обрывалась.

Лаврухин, сидя впереди, погонял сивую длинношерстую лошадку, размахивая длинной хворостиной:

— Но-о, дьяволица!

Лошадка прибавляла шагу.

— Мы с Мишкой жили дружно—начал свое повествование Лаврухин.—Он партиец, а я комсомолец. Спервоначалу он был председателем сельского совета, а я секретарем. Потом, в двадцать восьмом году, выбрали меня председателем сельского совета, а его секретарем. Для мужиков, может, это имело значение, ну, а для нас никакого: что он, что я—одно и то же. Но это бы было полбеды, да нам подсыпали членов двоих—воров бандитского происхождения, Виндюковых. Они в нашем селе за один только год произвели 59 краж. Якшались с лишенцами и кулаками. Как потом мы узнали, они спервоначалу намечали убить нас 8 человек, но им это не удалось. Вот почему перед перевыборами сельского совета они открыли страшенную против нас кампанию, чтобы провести в совет своих людей. Но мы им дали страшеннейший отпор. А двух этих самых Виндюковых им-таки удалось провести. Ну вот, как прошли они, так и зачали вести с нами борьбу. У населения они, можно сказать, авторитету не имели и стали действовать по-другому,—запугивать население: то у бедняка-активиста нашего украдут лошадь, то кого подожгут. И им все сходило. Непойманный—не вор.

Мы взялись за организацию коллектива. Зачали с мужиками вести разговор. Целый месяц мы с Мишкой бились. Насилу добились: обосновали колхоз. В этот колхоз вначале вошли: я с семейством, Мишка Калинин с семейством, два бедняка с семействами, пастух и 10 дворов середняков. Обобществили мы лошадей, коров оставили в личном пользовании. В район поехали, достали три 2-хлемежных плуга, 10 окучников, 2 культиватора, 30 килограммов огородных семян. Зачали готовиться к севу. Бац, в одну ночь у наших колхозников всех лошадей украли. Мы искать-поискать, туды-сюды,—нет. Всех поставили на ноги, всю деревню вздыбили. День-два ищем,—нету. Потом бывших членов, значит, Виндюковых—раз, голубцов, за штаны: заарестовали. Они, видимо, испужались, сказали своим, и лошадей на 5-й день отыскали повязанными в лесу.

И вот однажды задумали мы поработать на открытии красного уголка при колхозе «Свет». Для этого решили с комсомольцами устроить спектакль. Выбрали пьесу «Кулак» Роль кулака взял я, а Мишка Калиныч взял роль колхозника. Зачали репетировать. А работы уйма. Он председатель колхоза, я казначей, да еще в сельском совете и по ячейке. Да, разрывались мы в это время на кусочки, можно сказать, но работа все-таки кипела: обрастали активом. Раз порепетировали пьесу, другой. Утром—бумажка: срочно вызывают в рик. В рике я пробыл два дня. Приезжаю в деревню.—Шурга стояла на дворе, свету не было видно белого. Только это, значит, я вошел в хату, а ко мне в окошко стучат: «Леня, Мишку убили».—«Где, как?»—«В школе, на репетиции». Я еще не разделся, только отряхивал шапку. Схватываю рукавицы и бегу в школу. Прибегаю. Мишка лежит на сцене. Весь в крови. Окно разбито, и в дыру сыплется снег. Около него учительша как клушка квохчет; бегает и не знает, за что взяться. Комсомольцы тоже разбежались. Я их посозвал...

— Да...—Лаврухин вздохнул ..

— Миша!—спрашиваю я. А он: «А?»—говорит.—«Кто это тебя?»—«Ванька»,—отвечает. «Какой Ванька?»—«Мотин».

Я задумался. Потом вспомнил Мотина Ваньку. Поверил. Взяли мы Мишу и перенесли на руках в комнату учительши. Я его там раздел, а у него на груди клок мяса вырват.—Бегу к первопопавшемуся мужику: «Запрягай лошадь, за доктором»,—говорю. Отказывает. «Давай—говорю,—чего ты перечишь? Мишку, нашего колхозника, убили».

«Как, что?»—расспрашивает. Чешет затылок. Знаете, как у нас у деревне? Пока повернется, так и Москва сгорит. С горем пополам запрягли лошадь, уехали за доктором.

Ветер совсем затих. Солнце светило ярко. На бугорках чернела земля. Глядя на них, Гурьянов заметил:

— Старики говорят, ежели на полях рано открываются бугорки из-под снега, то жди дружной и ранней весны.

Мы с Лаврухиным согласились. Согласились еще и потому, что было очень тепло. Мы как выехали из деревни, тулупы свои положили под себя и не надевали. Проехали какую-то балку. Лаврухин опять повернулся к нам и рассказал, как он разыскивал убийцу колхозника Калинина.

— На чем я остановился?—справился он.

Гурьянов ему подсказал.

Оказалось, убийца, как выстрелил, убежал. А кулак-лишенец, который организовал все это убийство вместе с Виндюковыми, сам поехал звонить начальнику милиции. .

— Он-то не дурак. Он хотел замести следы,—поправил его Гурьянов.

— Ну, ясно: следы мы уж знаем.

Часа в 4 ночи Мишка открыл глаза и обратился к матери. «Мать,—говорит,—поцелуй меня: я умираю». Мать подошла, поцеловала. «Сестра,—говорит,—иди и ты: поцелуй меня». Сестра тоже поцеловала. «Егорка, и ты поцелуй». Егорка Леонов, про которого ничего не думали—тоже подошел,—поцеловал в губы и сказал: «Ни за што ты погибаешь, Мишка»...

Я тоже подошел и попрощался с товарищем. Потом Миша сказал: «Мать и вы, товарищи, прощайте навсегда: я умираю».

Через час приехал доктор, но было поздно. Мишка умер.

Шесть месяцев шло следствие. Никак не могли обнаружить убийцу. Конечно, двух бывших членов сельского совета Виндюковых арестовали и с ними еще 3-х кулаков и еще 4 человека подозрительных. Но убийца настоящий ходил на свободе. Я раз сижу в сельсовете. Подходит ко мне один мужик наш, Ферапонт, и говорит: «Товарищ Лаврухин, подь-ка сюда». Я подошел. «Зайди ко мне вечерком»—«Зачем» — спрашиваю. — «Зайди». Прихожу к нему вечером. Он мне и говорит: «А знаешь, кто убил тов. Калинина?»—«Кто?» — «Егорка Леонов. Его нанял Егор Виндюков за 30 рублей». На утро сажусь, пишу бумагу и еду в Скопин к начальнику милиции.—Так и так,—говорю. И рассказал, что мне говорил Ферапонт. Начальник милиции сказал: «Есть. Езжай в село, и никому ни слова». Я уехал. Вслед за мной, только вечером, приехал начальник милиции. Ночью взяли Егорку,—ну, он и сознался. Рассказал, как и кто его научил. Как они до этого ходили в сельсовет, украли уголовный кодекс и нашли там статью, в которой говорится, что несовершеннолетних за убийство не расстреливают. «Поэтому,—говорил он на суде,—я и согласился убить за 30 рублей Калинина, председателя колхоза «Свет» и секретаря сельского совета».

На суде я держал речь. Суд вынес: Струкова—кулака, Мякинина—торговца и 2-х Виндюковых расстрелять, а мальчишку этого приговорили тоже к расстрелу, но в виду его несовершеннолетия ему заменили расстрел 10-ю годами высылки. И вот еще что интересно: когда зачитали приговор на суде, то кулак Струков встал и сказал: «А хорошо вы, судьи, судите». Судья сказал: «Что тебя расстрелять постановили!»—«Да,—говорит,—в точку попали». Вот зверюга!

Лаврухин сплюнул.

Таял день, быстро надвигались сумерки. Мы в'езжали в деревню Ерлино.

Фото Громова.

Женское собрание в селе Чернавском решило организоваться в колхоз. На снимке—президиум собрания.

НОВЬ

Очерк Ан. Безымянного.

I. Кровь на земле.

СОЛНЦЕ заходит. Поля омываются перед ночью густым солнечным соком, и когда горизонт резкой чертой отрезает от солнца как раз половину, оранжевое поле вдруг все начинает дымиться легкими снежными струйками. Начинается предзакатный поземок.

Сухие зимние полыни, за минуту перед тем черные и четкие на мягком снежном фоне, будто вычерченные самым тонким пером чертежника, колеблются, заволакиваются, тускнеют.

Еще мгновенье, и, будто переключенные чьей-то невидимой рукой, небо и земля меняются цветами. Жаркий оранж переходит на небо. Небо дарит полям холодную, бесстрастную голубизну.

Куда ехать: направо, налево? Мы едем налево, дорогой, которая кажется нам короче. Сумерки гуще и гуще. Идет снег; поземка грозит разыграться в метель.

Лошадь вдруг останавливается. Дальше ехать нельзя. Мы на берегу замерзшей реки Плава. Берег крутой, и дорога обрывается здесь безнадежно. Долго и тщетно ищем ее продолжения. Едем назад. Поземка заметает дорогу; еле-еле отгадывает ее лошадь. И крестьяне, родившиеся и выросшие здесь, в плавских краях, бывает, плутают. Крестьянин, выезжая из дому, непременно приметит, куда нынче дует ветерок: от Сумарокова или Самозвановки *). По ветерку или по звездам ищут заблудившиеся дорогу в полях.

Мы ехали в деревню М. Дубки на сходку крестьян с повесткой дня «на счет коммуны». Сани отчаянно плясали по снеговым ухабам, снег залетал в рот, набивался за воротник, заставлял закрывать глаза.

Однако, наша попутчица, секретарь комсомольской ячейки, Таня Луканеева не обращала никакого внимания на дикую «качку» наших «самокаток» и всю дорогу вела очень оживленные разговоры.

Оказалось, что Таня—ярая деревенская общественница, много испытавшая, много вынесшая на своих молодых плечах. Она-то и поведала нам правдивую «историю земли» дубковских крестьян.

* * *

— Уж много лет воюет дубковская беднота за переустройство земли. В 1926 году, при поддержке местных организаций, нам удалось добиться твердого решения о землеустройстве.

Но...

— В этом «но»—самое главное, — рассказывает товарищ Таня. — Переделка земли, понятное дело, была не в интересах забравших в свои лапы лучшую землю богатеев-кулаков, которые об'явили войну землеустройству. Кулаки уничтожали за ночь новые межевые знаки, об'являя тем самым «бойкот» землеустроительным работам. Несомненно более, чем остальное крестьянство, развитые и посвоему «активные», кулаки пускали в ход все средства, нанимали тайных «аблакатов», которые составляли заковыристые прошения, проходившие все земельные инстанции, вплоть до губземотдела, и даже... писали в газеты протесты! Где надо, подмазывали, где пускали слезы. И «крокодиловы слезы» помогли: утверждение землеустроительного проекта оттянули до весны 1929 года.

В апреле прошлого года плавская райземкомиссия отклонила жалобы кулаков и постановила:

«Перевести дер. Дубки М. на новые формы землепользования»...

Но..

Опять «но»!

Кулаки на этом не успокоились; писали снова жалобы в райземкомиссию и, наконец, обжаловали дело в губземотдел, который постановил:

Юридически: Оставить без последствий кассационную жалобу.

Фактически: Отложить землеустройство до осени 1929 года.

А кулаки?

На выпивку в честь выигранного дела собралось 25 человек богатеев. Пили много «на радостях». Потом, вооружившись кольями и дубинками, вышли на деревню с криком:

— Вам—колья, нам—землю! — и начали дебоширить...

Из города, из земельной комиссии, возвращалась группа ходоков от бедноты.

Стыдно было возвращаться в деревню, чтобы сказать, что дело проиграно.

— Ну, что—выкусили?—встретила ходоков пьяная орава богатеев и подкулачников.—Небось, советская-то власть в вас, товарищи, не очень-то нуждается!?

Не утерпел Панкрат Егоров от обиды:

— Врете, гады! Наша власть, а не ваша, сволочи!

— А-а!..

— Бей их!

С диким, звериным воем накинулась на ходоков вооруженная дрекольями пьяная кулацкая орава...

Трое ходоков бежали от кулацкой расправы, отделавшись синяками. Четвертый, тогда еще председсльсовета—Таня Луканеева, — остался на поле битвы с переломленной рукой...

А распоясавшаяся орава, подхватив с собой гармониста, устроила «шествие» по деревне с песнями, с пьяными криками.

— Сейчас мы за все отплатили кулачью по заслугам,— продолжала Таня,— часть раскулачили, часть сослали. Совсем недавно сколотили основное ядро колхозников из 48 дворов.

Кулаки буйствовали:

Пытались избить, опозорить Таню Луканееву... Стреляли в уполномоченного деревни Семенова из обреза и ранили его в плечо...

Но... дело уже сделано! Беднота сама боролась за землеустройство; она увидела выход из вековой бедняцкой нужды и кабалы в широких участках земли, в многоолье, в коллективе. Она ломает старый уклад, становится головой деревни, идет к новому хозяйству—коллективному...

Просто обо всем этом рассказала Таня под раскаты скрипучих саней..

Но сколько нови, нашей советской, социалистической нови в этих простых и ясных словах!

II. Нутро земляное.

Мы плутали по полям уже три часа. Ночь скрипела и обдавала холодом, слегка бодря. Луны уже не было. Серебряной мелкой монетой сверкали звезды, рассыпавшись в небе.

Буйно пела метелица, заметая все вокруг. Завязла в сугробы упавшая под овраг деревня М. Дубки. Простуженным голосом визжал ветер по полям, сдувая с гор и пригорков снежную мякину и заваливая проходы к низеньким калиткам.

— Что это... жилье или волки?..

Возница наш остановился, поглядел на небо, непонятно поводил носом во все стороны и вдруг странно обрадовался.

Засуетился, подхлестывая лошадь в сторону деревни, где приветливо мелькали едва заметные огоньки.

Подъезжаем к избе уполномоченного. После долгого стука в дверь навстречу нам выходит коренастый мужчина с перевязанным марлей плечом, и радостно как будто улыбается.

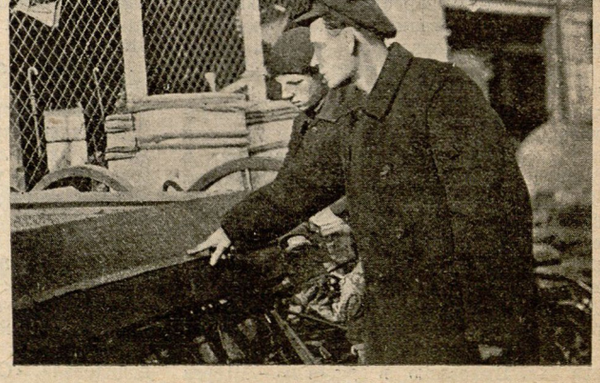
— А, вот он и сам!—кричит Таня. —Здравствуйте, товарищ Семенов!

— Здорово, товарищи! Вы из города, наверное, к нам? Во-время поспели: завтра у нас собрание общее сберется... Да заходите же скорее в избу!

Мы последовали приглашению.

Семенов—член партии. В прошлом—столяр, участвовал активно в гражданской войне. У него—крупная, мощная фигура и острые глаза.

Из его горячих, полных энтузиазма слов о борьбе в деревне можно заключить, что

На складе с.-х. машин представители колхоза выбирают сеялку.

---

*) Сумароково и Самозвановка—названия станций в Плавском районе.

он умеет зажигаться в деле и зажигать других.

Но вместе с тем Семенов холодно-расчетлив, практичен, стойко и правильно переводит деревню на новые, социалистические рельсы.

Чуть ли не до самого рассвета мы вели с ним беседу. Говорили о сельсовете, о весеннем севе, о Дубковском колхозе.

* * *

Изба сельсовета постепенно наполняется крестьянами. Чинно расселись по скамейкам хлеборобы. Тихо балякают между собой старики, рассказывают свежие «новости» старухи и бабы-молодайки. Буйная молодежь наполняет избу веселым, задорным смехом, звончатыми голосами.

Открыл собрание Семенов,

Быстро и толково рассказал приехавший из рика товарищ о выгодах и дальнейшей работе еще неоформившегося в Дубках колхоза. Убедительны были цифры и проценты...

После доклада началось обсуждение: настоящая деревенская бестолковщина.

Крестьяне выступали сначала неохотно, будто дело их меньше всего касалось. Однако, постепенно «страсти разгорелись.»

Сразу стало видно, насколько собрание было неоднородно. Несмотря на строгое запрещение присутствовать на сельских сходах, когда вопрос решается о коллективизации, лицам, лишенным прав, за спинами мужиков можно было увидеть этих чуждых.

Долго спорили мужики... Но большинством было постановлено:

«Мы, крестьяне деревни М. Дубки, Плавского района, большинством постановили организовать колхоз «Красная Новь»...

Деревня Дубки перерождается. Она пошла в последнюю решительную борьбу с остатками русского капитализма.

Разбитые обломки кулачества, используя все средства борьбы, повлияли на более отсталые слои крестьянства. Часть крестьян вышла из колхоза. Но основное ядро колхоза осталось. Остались настоящие коммунары—энтузиасты социалистической переделки деревни. Остался Семен Кирсанов, бедняк Гречихин. Осталась Таня Луканеева и много других. Им-то и принадлежит окончательное завершение «истории земли» дубковских крестьян.

Январь-март 1930 г.

Литкружок рабкоров.

(Бывшие „бабы рязанские"—

теперь — колхозницы Скопинского района.

Письмо о тракторе.

И. Васильченков.

Здорово, братец! Как живешь?
У вас теперь весна в разгаре:
В кармане рожь, в похлебке рожь
И рожь в бревенчатом амбаре.

Ты, чай, встаешь пораньше птиц
И, на рассвете подымаясь,
Идешь и у тележных спиц
Жуешь краюху каравая!

И в закроме, что попустей,
Приняв несмелую манеру,
Как первошкольный грамотей,
Чертишь гвоздем за мерой меру.

Привет тебе, привет полям!
У нас погод хороших нету,
Но коль судить по тополям,
То скоро, скоро будет лето.

Здесь над рекою голубой,
Прокинув тень в немые воды,
Стоят дымящею гурьбой
Тысячеглазые заводы.

Еще, любимый, доложу:
Выходят тут такие кони,
Что не воловьему гужу
Чета их звонкие супони.

Берут брат, полосу одну,—
Аршина два, пожалуй, мало,—
И полосуют целину
Без понука и погоняла.

Им не нужна трава и злак,
Лишь подноси бензин по чаре.
В нужде бы вам сложиться так:
На каждый лемех—по хибаре.

БИБЛИОГРАФИЯ.

„ВЫСТРЕЛ"

Комедия в стихах А. Безыменского.

Мы слишком бедны в области пролетарской драматургии. У нас очень и очень немного пьес, которые бы художественно и правильно отражали наши социалистические сдвиги, повседневную, кропотливую работу многомиллионной массы на фабриках и заводах и препятствия, мешающие нам строить социалистическое хозяйство.

Поэтому мы должны приветствовать издание такой пьесы, как «Выстрел»—Безыменского, которая ставит и разрешает актуальные вопросы, стоящие в данный момент перед всей нашей страной.

В пьесе нашли свое отражение вопросы самокритики в комсомольской организации, работа ударных бригад, соц. соревнования, под'ем энтузиазма среди массы. С другой стороны, «Выстрел» бьет по устарелой цеховщине, хулиганству, бюрократизму, волоките и всему тому, что старается прервать, преградить нам путь к социалистическому государству.

Весь типаж, который фигурирует на протяжении всей пьесы, запоминается как самые настоящие, реальные люди, может быть, встречавшиеся вам не раз в обыденной жизни.

Ответственный секретарь ячейки трампарка, примиренец и зажимщик Гладких, своим спокойствием и часовыми аллилуйными речами уже вызывает у читателя колкую улыбку.

Таков же и Пришлецов.—Самый доподлинный карьерист, приспособленец, бюрократ, полный наглости и хамства, который впоследствии становится, как и Гладких, на сторону правых уклонистов.

Эти два типа автор показывает со всех сторон и с полным психологическим анализом. Они волнуют читателя, и он всегда скажет, что подобным типам в наших рядах не место.

Вот чем сильна пьеса.

Кроме отрицательных типов, в пьесе выведены довольно-таки в ярких тонах: рост нового рабочего—хозяина социалистического производства, рост коллективов и ударных бригад. Во главе коллектива все время стоит комсомол.

Центральной фигурой здесь показан секретарь комсомольской ячейки трампарка Озол. Комсомольцы все время стремятся работать совместно с партячейкой, помочь ей. Они о себе так и заявляют:

«А мы поможем им,
как верный комсомол».

Но беда лишь в том, что в пьесе несколько смазано партийное руководство. Не видно, как реагировали на эти уклоны и «оппозиционные блоки» в ячейке, вышестоящие партийные органы.

Но все же нужно отдать справедливость, что в «Выстреле» больше достоинств, чем недостатков.

Пьеса имеет большое политическое значение и заслуживает добросовестной и настоящей критики.

Язык пьесы незамысловат. Наоборот, она рассчитана на самые широкие рабочие массы. Поэтому можно вполне надеяться, что пьеса получит большое распространение среди рабочего читателя и найдет должный отклик у зрителя.

Пьеса «Выстрел»,—самый настоящий выстрел, начиненный классовой ненавистью к нашим врагам.

Сергей Володин.

Если ты друг „Молота", то должен завербовать еще двух подписчиков журнала из твоих товарищей.

16731

ХРОНИКА.

Писательская бригада

Правлением ТАПП'а организована литературно-творческая бригада, в которую вошли писатели: В. Старцев, Ф. Кузнецов, Н. Стрекопытов и С. Володин.

Писательская бригада будет выезжать в районы коллективизации и проводить литературно творческую работу.

Литвечера в районах

Члены ТАПП'а, поэты Александр Лесной, Сергей Володин и писатели Ф. Кузнецов, М. Кольчугин и В. Старцев, в апреле с. г. организовывают несколько выездов в районы для проведения литературных вечеров.

Вечер в рабфаке

В марте, в здании рабфака тульской ассоциацией пролетарских писателей был проведен литературно-художественный вечер. После небольшого доклада «О современной литературе» В. Стретенского с читкой произведений выступали писатели М. Кольчугин и Ф. Кузнецов и поэты Ал. Ватагин и С. Володин.

Литкружок при ТРАМ'е

При ТРАМ'е организован литкружок. Задача его—драматическая творческая работа: пьесы, инсценировки, сценарии. Кроме того, в кружке работает группа начинающих писателей и поэтов.

Выставка работы ТАПП'а

Правлением ТАПП'а решено устроить выставку литературно-творческой работы тульской ассоциации пролетарских писателей с самого начала ее существования. Для организации выставки избрана комиссия в составе Сергея Володина и Александра Лесного. Выставка будет открыта 15 апреля с. г. в одном из рабочих клубов. Во время открытия выставки будет организовано выступление писателей и поэтов.

Писатели у железнодорожников.

20 марта члены ТАПП провели литературный вечер в клубе им. Ленина. Аудитория до 500 человек с интересом слушала зачитываемые писателями собственные произведения и просила почаще устраивать такие вечера.

Члены ТАПП—в кружки.

По постановлению общего собрания ТАПП, все члены ассоциации прикреплены к литературным кружкам, где должны вести работу с членами кружков в порядке индивидуального шефства. К литкружку рабпака прикреплены: Добрынин, Кузнецов, Аленчев, Медведев, Елизаров. К литкружку рабкоров («Металлист»)—Кольчугин, Ярцев, Ванин, Володин. К литкружку на Косой Горе—Мосолов. К литкружку ДКА—Стрекопытов, Сретенский. К литкружку 4-й единой школы—Рудин, Дмитриев. К литкружку ТРАМ'а—Добротвор, Старцев.

Вызов на соревнование.

Мы, члены рабкоровского литературного кружка, направленные с ударной рабочей бригадой завода № 10 в Белевский район на проведение весенне-посевной кампании, вызываем на социалистическое соревнование тульских писателей: Ал. Медведева, М. Селезнева и др., уехавших в другие районы.

Мы обязуемся:

1. Организовать один районный литературно-селькоровский кружок;
2. Выпустить 5 стенгазет в избах-читальнях и колхозах.
3. Образцово поставить работу избы-читальни в селе Дубянка.
4. Написать для «Молота» по художественному очерку, в которых показать: а) общую картину деревни в связи с коллективизацией и проведением весеннего сева, б) энтузиастов социалистической переделки деревни и в) жизнь и работу одного из крупных колхозов в районе.

Всю работу обязуемся выполнить к 15 мая 1930 г.

По поручению литкружка
Ан. Безымянный.

Отвечаем начинающим писателям.

Г. Куликову (Узловая). Присланные стихи «Перед севом» и «Новая весна» слабы. Хотя тематика ваших стихов крестьянская, но она у вас слишком наивно разработана. Попытки показать колхоз вам не удались.

Встанет пахарь вместе с птицею,
Выйдет в поле погулять.
Звякнет весело сошницею,
Будет жизнь благословлять

Это напоминает старую деревню, но ни в коем случае не колхоз. Мало того, надо обновить тематику стихов, навсегда отказаться от затасканных церковных выражений в роде: «Будет жизнь благословлять». Кроме того, следует указать, что пахарь выходит в поле не «гулять», а работать. Надо показывать более реально.

Козлову (Скопин). В стихотворении «Кто это идет» имеется множество недостатков. В нем почти совершенно отсутствует рифма, за исключением некоторых глагольных, как-то: «стонал», «играл». Для того, чтобы зарифмовать «на шеи», вы делаете из шоссе «шосеи»: неграмотная переделка слов.

Или:

Скованы сталью, железом
Лица веселые, радостный взгляд.

Мы таких лиц еще не встречали и надеемся, что не встретим. А вам советуем больше работать над стихами и не допускать подобных выражений.

Алексею Долину (г. Венев)—Стих. «Прошедшей молодости» представляет собою набор безграмотных зарифмованных строчек:

Вот вам и картина из бытия,
Каков бывает свет и шар земной.
В итоге—обманчивая галиматья,
И бывает иногда: рад, мол, и на покой.

Вы хотели показать «картину из бытия» но при чем же здесь «свет и шар земной»? Совершенно безграмотно. Если хотите писать, то надо работать так, чтобы стихи легко воспринимались читателем. Читайте современных поэтов.

Арабскому (Тула).—Стихотворение «Шахматисту» не оставляет абсолютно никакого впечатления.

А кони, кони, а стрелки
И ферзь—державный воевода?
Все это други ведь твои
И доблесть вечная народа.

Т. е. кому «други»—шахматисту или еще кому-нибудь, не совсем ясно выражено. И при чем здесь «доблесть вечная народа»? Надо писать стихи понятнее и вкладывать в них чувство.

Петру Трунову (ст. Щекино).—Стихи «О красной армии» и «Трудящимся всего мира» слабы. У вас не совсем хорошо обстоит дело с рифмами; подчас они отсутствуют, и в большинстве случаев не выдержан размер.

Таил к ней злобу капитал.
И над ее святой победой
Он слезы горьки проливал
И про нее лил слух нелепый.

Учитесь по возможности яснее выражать задуманную мысль. Очищайте ваш поэтический язык от старых молитвенных выражений, как «святая победа» и т. п.

А. Соболеву (Тула).—Стихотворение «Зимний вечер» слабо по содержанию. Кроме шаблонного описания, ничего нет. Написано слишком старой формой: «Серебрит морозом раму»—напоминает Некрасова. Больше работайте над собой. Берите темы более близкие и нужные пролетариату, не увлекайтесь пейзажностью.

К. Юному (Зыбенский союз).—В присланных стихах «О старой деревне» вы доходите до голого подражания Есенину:

Русская деревня, русская тоска,
Не тебе любить мне, не тебя ласкать.

Вырабатывайте свой взгляд на вещи. Не подчадайте под влияние кулацко-крестьянских поэтов, которые тяготеют над вами при описании деревни и крестьянского быта.

С-еву (Тула).—Стихотворение тогда бывает хорошим, когда в нем имеется музыкальность, ритм и рифмы. В вашем же стихотворении «Дума земледельца» все эти свойства отсутствуют, поэтому получается не стихотворение, а просто прозаические записки:

Нынче зиму пришлось пережить без коровы,
А муки на январь еле достало.
Коровенка-то была прошлый год,
Но кормушку-то ей нехватило.

Надо больше читать пролетарских поэтов и учиться у них. Присланные стихи не пойдут.

Издатель—газета „Коммунар".

Редакционная коллегия { А. Ярцев, С. Володин, В. Старцев.

Тулокрлит № 356. Типография Тулпечати—Тула, Коммунаров, 41. Заказ № 1991—30. Тираж 4500 экз.